

Армин Пройсс

ГУДЕРИАН – РЕВОЛЮЦИОНЕР СТРАТЕГИИ

Серия knapp + klar, выпуск 10; Издательство Grundlagenverlag, 1995.

Оригинал: Armin Preuß, Guderian – Revolutionär der Strategie

Reihe knapp + klar, Heft 10; Grundlagenverlag © 1995.

Перевод с немецкого, 2012

СОДЕРЖАНИЕ

1. Предисловие
 2. Восхищение иностранцев
 3. Прусское воспитание
 4. Революционер против традиционалистов
 5. Мужская гордость перед королевскими тронами
 6. Польша 1939 года – момент истины
 7. Победа на Западе
 8. Операция «Барбаросса»
 9. Стойкость в катастрофе
 10. Удар заговорщиков
 11. Последнее слово
 12. Библиография
 13. Дополнение
-

Предисловие

Это может показаться старомодным, в эпоху, когда особенно для нас, немцев, какое-либо объективное изучение войны представляется национальным самоубийством, заняться жизнью и деятельностью военного, немецкого солдата, который не только оставался в стороне от круга антигитлеровских заговорщиков, но и своими блестящими победами заставил весь мир глубоко уважать успехи германского оружия.

Это произведение я писал даже не столько ради перечня славных подвигов Гудериана, не столько о его неповторимом искусстве командования как одаренного и смелого полководца, даже не ради дани уважения его революционному творчеству в технической и организационной области, а, прежде всего, из-за выдающихся качеств его характера.

Как раз в наше время, отмеченное трусостью, безответственностью и удобным «приспособленчеством», Гудериан может считаться настоящим образцом истинно немецких добродетелей: прямооты, мужской стойкости там, где речь идет об отстаивании своих прав и самозащите, и о нерушимой верности тому, что он считал правильным, вопреки любой враждебности и всякому сопротивлению!

И именно эти его качества, перенесенные из военной в политическую область, должны снова стать доминирующими, чтобы предотвратить соскальзывание Германии в хаос и национальное ничтожество. Только они сделают возможным нахождение нашим народом самого себя, особенно нашей молодежью, для сохранения своего существования в чести и свободе.

Из мемуаров Гудериана однозначно следует, что он отнюдь не был представителем «агрессивного милитаризма». Как и весь германский генеральный штаб, Гудериан всего лишь более чем ясно понимал, что попытка военного решения национальных проблем таит в себе не только ответственность за риск собственного поражения; она может, как доказано, довести и самого победителя до такой ситуации, которая в сравнении с исходной позицией будет представляться явным ухудшением – что можно увидеть на примере Англии.

Но не должно ли с сегодняшней точки зрения – после шока катастрофического поражения (пардон, пардон: освобождения!) и ввиду тех фактов, что (пока) дела идут у нас в материальном плане лучше, чем когда-либо раньше, что мы смогли прожить без ненавистного «прусского милитаризма» в мире пятьдесят лет, что мир для нас открыт и мы (до сих пор) можем импортировать все, чего душа пожелает, и что немецкий экспорт занимает (еще) почти самое лучшее положение в мире – выглядеть так, как будто именно Германия перед 1914 и перед 1939 годами первой начала бить в барабан войны, чтобы напасть на своих мирных соседей?

Такая видимость обманчива. Ибо «благоклонного» покровительства наших сегодняшних «друзей» отнюдь не существовало перед обеими мировыми войнами, пусть даже в форме благочестивой маскировки. Мировыми океанами владел английский флот, Англия ревниво оберегала «беспошлинную торговлю», выгодную ее интересам. Одна треть земли принадлежала английской мировой империи, следующие гигантские области контролировались Францией, Бельгией и Голландией, в то время как немецкий народ, окруженный

могущественными соседями, был зажат в самом тесном пространстве. Англия, а также ее союзники не стеснялись по причине своей экономической зависти всеми методами оттеснять новосозданную при Бисмарке и прогрессирующую Германскую империю от ее рынков сбыта, от экономической зависти и души ее экономически. Сильное немецкое сопротивление было не «стремлением к играм в войну», а горькой необходимостью для защиты страны, это была самооборона! (1)

Примечание

(1) Эта книга не ставит своей целью разоблачение распространенного в послевоенной историографии утверждения о немецкой ответственности за войну как продолжения вражеской пропаганды. Все же, только несколько представленных в дополнении цитат из иностранного источника могут помочь опровергнуть этот столь ошибочный, столь и широко распространенный упрек, что якобы немецким офицерам больше нечего было делать, кроме как занимать себя агрессивными войнами...

Восхищение иностранцев

Хотя в послевоенной Германии так никто и не решился назвать его именем казарму Бундесвера, Гудериан пользуется глубоким уважением во всех странах, где обучают танковые войска и изучают военную историю. Это касается также и израильтян, которые, без сомнения, обязаны своими победами тактике и стратегии Гудериана.

В особой степени военное значение Гудериана было высоко оценено англичанами. Наряду с известным военным писателем капитаном Бэзилем Генри Лиддел Гарттом, тут выделяется, прежде всего, Кеннет Макси с его биографией Гудериана – истинная ода этому необычному солдату прусской школы! В глазах Макси Гудериан сочетал в себе редкие качества человека, который разрабатывал новые идеи и одновременно обладал воодушевлением и способностями применять эти идеи на практике.

Никакой другой немецкий генерал и никто из его противников не смог за такой сравнительно короткий период вызвать такую радикальную перемену в военном искусстве.

Едва ли не один лишь творческий дух Гудериана стоит поблагодарить за то, что немецкие армии Второй мировой войны не впутались в длительные битвы на истощение в духе Первой мировой войны, а начали свои победы с быстрых и «экономных» операций. Лиддел Гарт, впрочем, в своем уважительном предисловии к английскому изданию мемуаров Гудериана «Воспоминания солдата» задается вопросом, владел ли Гудериан при всех его преимуще-

ствах также «искусством возможного». Однако он практически тут же делает вывод, что Гудериан в высшей степени обладал способностью делать «невозможное» возможным!

Гудериан отличался, как особенно подчеркивает Макси, пламенным патриотизмом. Для него Германия всегда стояла выше, чем его собственная личность или его карьера. После проигранной Первой мировой войны он писал: «Теперь все дело в том, чтобы сдержать клятву. Если каждый скажет, что я не сдержу, пусть другие это делают, тогда Германия погибнет. Каждый, у которого есть хоть небольшое чувство собственного достоинства, должен сказать: Я сам хочу помочь!»

Вальтер Неринг, бывший начальник штаба у Гудериана, так оценивает своего прежнего начальника: «Гудериан был командиром, за которым люди шли с удовольствием – у него был удивительный дар воодушевлять; остроумный и увлекающий в своих усилиях извлекать наилучшее из любого человека... он обладал большой харизмой».

Прусское воспитание

Гейнц Вильгельм Гудериан родился в 1888 году в Кульме, в Западной Пруссии, в том самом городе, в котором до него появился на свет другой знаменитый немец, поэт северогерманских лугов Герман Ленс. Предки Гудериана были офицерами, интеллектуалами и владельцами средних сельскохозяйственных предприятий. В роду Гудерианов жили прусские добродетели экономии, нетребовательности и высокого патриотизма.

Его отец Фридрих тоже был офицером. Уже у него мы видим первые признаки характеризующей его сыновей, прежде всего, Гейнца радикальной открытости для военных новаций. Как отец рано был поражен возможностью повысить подвижность войск с помощью новых сетей железных дорог, так и сыну позже довелось разрабатывать те же идеи, но уже с помощью автомобильного двигателя.

Согласно традициям своей семьи молодой Гудериан делает выбор в пользу профессии военного. С 1901 до 1903 годы он учится в кадетской школе в Карлсруэ, откуда он прибывает в главный кадетский корпус в Гросслихтерфельде под Берлином. Именно этому немецкому образовательному учреждению поставил памятник Эрнст фон Заломон в своей книге «Кадеты». Немецкие кадетские корпуса отнюдь не были заведениями для воспитания «прусского рабского повиновения» – как часто утверждали язвительные перья завистников. Наоборот, в них придавали большое значение независимому, гибкому мышлению, где каждому предоставлялось право выражать его собственное, пусть даже и отклоняющееся от других мнение.

Этот прусский метод копировали большинство других армий, но нигде на свете он не был доведен до такого совершенства. Ненависть наших противников к «немецкому милитаризму» выражает на самом деле их тайное восхищение этой беспрецедентной системой. Своеобразие мышления выражается у Гудериана уже рано в его определенной замкнутости по отношению к его большей частью поверхностных приятелей. Он никогда не был человеком, следовавшим за массой. «Я не могу бегать в большой толпе», записал он однажды в своем дневнике.

Прилежание, общительность, практический интеллект и проявляемое уже в течение ранних лет честолюбие отличают его от большинства его товарищей. С усердием он посвящает себя не только языкам и географии и истории, но и техническому образованию, в частности, связи. Для быстрого и без больших потерь ведения войны во Франции в 1940 году важным окажется то, что Гудериан осознает превосходство беспроводной коммуникации. Так как в то время как его французские коллеги для передачи донесения или приказа останавливают свои быстрые танки, открывают люки башен и махают флажками или вынуждены посылать лишнего броне связного, Гудериан может быстро и точно общаться как со своими солдатами, так и со штабами в тылу – быстрая передача информации должна была стать существенной предпосылкой для успешного «блицкрига» – молниеносной войны.

В 1913 году Гудериан в свои 25 лет оказался самым молодым из 168 офицеров, отобранных для трехлетнего курса в Берлинской военной академии. Во время его учебы на офицера генерального штаба у Гудериана проявляются две обычно противоречащие друг другу характерные черты: с одной стороны, его тяга к быстрому действию, с другой – соблюдение требования Мольтке: «Сначала все взвесить, потом принять решение». Бурный темперамент Гудериана находит идеальный противовес в его жене. Также и при выборе его более поздних начальников штаба ему всегда везет, если офицеры с холодным умом гармонично дополняют огонь его духа.

В самом начале Первой мировой войны, во время немецкого продвижения к Марне, молодой офицер генерального штаба получает впечатления, которые неизгладимо врезаются ему в память до конца его карьеры: высокий темп немецкого наступления, которого требовал Шлиффен, был достигнут лишь частично из-за нехватки моторизованных транспортных средств. Особенно на решающем правом фланге («усильте мне правый фланг!») эта недостаточная подвижность окажется роковым недостатком. Для Гудериана это был наглядный урок в организации снабжения!

Следующие события окажут влияние на мышление Гудериана и поспособствуют формированию его более поздних теорий:

1. Гибель немецкой интеллектуальной молодежи при Лангемаке, которая, с невероятным героизмом без артиллерийской поддержки атакует под огнем вражеских пулеметов, истекая кровью!

2. В еще гораздо большем масштабе бессмысленные и стратегически ошибочные массовые сражения за Верден.

3. И в этот раз с противоположной стороны точная противоположность бесполезных кровавых потерь: танковая атака англичан при Камбре, которая показывает Гудериану шансы от массированного использования танков, и успех этого использования оказывается для германского генштаба полным сюрпризом! Удивительным образом этот урок противника был проигнорирован даже в его послевоенном планировании. Но Гудериан воспринимает как абсолютную необходимость, что при атаке танки нужно концентрировать, из чего впоследствии произойдет его ставший известным девиз: *Nicht kleckern, klotzen!* («Бить, так бить!» Дословно: «не ставить кляксы, а основательно пропитывать краской».)

Разработанные немцами к концу войны новые методы атаки, особенно внушительно примененные генералом Оскаром фон Гуттиером под Ригой, приводят Гудериана к дальнейшему важному выводу, а именно, что самая лучшая и самая разумная передача приказов должна исходить от командующих на самом переднем фронте командиров как местная, гибкая командная власть. Из этого возникает классический девиз для его танков: *Geführt wird vorn!* (Командовать впереди!)

В мае 1918 года Гудериан назначается квартирмейстером XXXVIII резервного корпуса. Его новая роль предоставляет ему возможность накопить неповторимый опыт в вопросах тыла и снабжения.

Конец войны встречает его в Тренто, куда он был переведен незадолго до этого как Ia (начальник оперативного отдела) немецкой военной миссии. Там правит чернь, и его возмущение можно увидеть из его письма жене: «Наша великолепная Германская империя больше не существует, творение Бисмарка лежит в руинах... Негодяи разрушили все...».

В начале 1919 года Гудериана назначают в штаб новообразованной службы пограничной охраны на Востоке, которая используется против угрозы со стороны охочих на грабеж поляков и русских большевиков. Идеалисты и самые твердые борцы сражений Великой войны собираются для этой героической борьбы в добровольческие корпуса, чтобы спасти свое отечество от самого худшего. Гудериан зол на то, что император бросил свою страну на произвол судьбы, и тоскует по сильному мужчине, новому Бисмарку, который спас бы Германию.

Как офицер Железной дивизии под командованием легендарного графа Рюдигера фон дер Гольца Гудериан в Прибалтике впервые доказывает свое ставшее позже широко известным тактическое мастерство в критический момент. Когда вследствие ранения старшего офицера немецкое наступление приостанавливается, он по собственной инициативе бросает в бой резервное подразделение, чтобы снова продолжить атаку.

28 июня 1919 года был подписан Версальский договор – диктат с безумными условиями. Для Гудериана и его товарищей разрушается весь мир. Под давлением союзников новое правительство отдает приказ об отходе немецких войск из Прибалтики. Гудериан пишет своей жене: «... если бы у нас еще была армия! Наша гордая, прекрасная армия! Тогда такой позор не был бы возможен никогда». И в следующем письме: «... мы хотим попытаться наши обеты, которые сдали раньше всегда давали бездумно, теперь воплотить в действие... генеральный штаб согласно мирному договору будет распущен..., кроме того нельзя требовать ни у одного старого прусского офицера, чтобы он служил под руководством преступников».

Из-за своих признанных способностей Гудериан вопреки своему известному уже тогда «упрямству» сохранит свое место в службе в разрешенной версальским диктатом немецкой армии – Рейхсвере численностью сто тысяч человек. Но его направляют в корпус генерального штаба, чтобы жесткой дисциплиной охладить его импульсивность. Однако этот бурный, часто оппозиционный дух никогда не удастся укротить, если речь идет о вещах принципиального значения. Насколько сильно он подтверждает внутреннее содержание солдатского воспитания и сам показывает его на собственном примере, настолько далек для него любой вид слепого послушания, и особенно какая-либо форма подхалимства! Уже тогда попадались некоторые недоброжелательные товарищи, которые обижались на него за эту стойкую, уверенную в себе позицию. 8 апреля 1920 года, непосредственно после капповского путча, он изливает свою досаду: «Нигде никто не действовал решительно и энергично против жалкой трусости, глупости и слабости этого жалкого правительства», и он снова спрашивает: «Когда придет, наконец, спаситель к этой стране...?»

До конца 1921 года Гудериан занимается не особо важной задачей, обучением пехотной роты. Но и этой, по сути, небольшой задаче, он отдается со своей обыкновенной энергией. Это будет его первым шансом реализовать в этих рамках полученный на войне опыт. Гудериан был строгим начальником, но уже на этом месте он доказывает свое необычное умение завоевывать доверие и любовь его солдат. Гудериан мог быть очень груб к своим подчиненным, особенно офицерам. Но он всегда был справедлив. Вместо того, чтобы требовать тупого рабского повиновения, Гудериан объясняет своим солдатам, ради каких целей проводится их обучение. Так он сочетает, где это необходимо, железное принуждение с воодушевляющей силой убеждения.

Солдаты его роты никогда не забывали его, и при его прощании они в сочиненном ими стихотворении продемонстрировали, что они о нем думают:

«Господин капитан Гудериан, это вы,
Кто видели в человеке не только мертвый инструмент,
уча нас, почему столь много труда и усилий были неизбежны!
Если иногда бывало совсем трудно – ведь наш долг тверд и неизменен -
Но зачем колебаться воину! – Благодарность выражает рота!»

В 1922 году мы находим Гудериана в 7-м Баварском автомобильном батальоне в Мюнхене, в котором нехватку способных офицеров он должен восполнить как дипломированный офицер генерального штаба. Другие смотрели бы на его новый круг задач свысока, ведь именно в немецкой армии пропасть между войсковыми офицерами войск и офицерами генерального штаба, с одной стороны, и техническими специалистами, с другой стороны, была особенно большой. К счастью, для будущего немецкого Вермахта Гудериан не разделяет чувство подобного снобизма. Уже его служба на войне в войсках связи оказалась для него большой школой для технических нововведений.

Следующее десятилетие проходит внешне спокойно. Он деятельно следит за политическими процессами, но осознанно дистанцируется от давления всех актуальных событий и проблем. В значительно большей мере он посвящает себя углублению своих знаний и одновременно разработке новых форм ведения войны. Сначала ему поручают заняться проблемами снабжения. Он осознает, что темп и размах наступления нельзя удерживать без достаточного тылового снабжения. Отсюда позднее возникает его требование, что танковая армия во время наступления должна быть способна действовать независимо в течение пяти дней, т.е. располагать при себе боеприпасами, горючим и продовольствием в ее быстрых соединениях, вместо того, чтобы задерживать себя медлительными обозами или оказаться совсем отрезанными от них. Его мастерство в деле тылового обеспечения (логистики) будет позже способствовать сенсационным успехам.

А затем он получает задание, за выполнение которого берется со всей преданностью и динамичным усердием. Задание, которое, кажется, как будто специально создано для него, и которое однажды заставит мир затаить дыхание: обучение моторизованных частей!

Революционер против традиционалистов

В трудах военно-исторического отдела ему бросается в глаза, что вопросы современного ведения войны, такие как использование самолетов и танков, упущены из внимания. И со стороны противника из опыта применения танков

на войне едва ли были сделаны практические выводы, зато появились блестящие теоретические исследования, например, у англичан Джона Фредерика Чарльза Фуллера и Бэзила Генри Лиддел Гарта.

Из-за версальского диктата, который запрещал немцам владение тяжелым вооружением, эти нововведения в Германии должны были оставаться серой теорией. Но в отличие от сегодняшних послушных и усердных лакеев победителей немцы после проигранной Первой мировой войны сделали для себя чем-то вроде спорта попытки обходить требования версальского диктата там, где это только было возможно. Ганс фон Зеект, командующий рейхсвера, был последовательным сторонником соглашений с Россией. Военное сотрудничество, прежде всего, в отношении современной военной техники, тоже началось после Рапалльского договора.

Гудериан подходит к проблемам моторизации войск со страстностью и изобретательностью. Как всегда, он интересуется новейшими идеями в области как военной техники и вооружения, так и в оперативной сфере. При этом ему во все большем масштабе становятся видны прежние недостатки ведения войны. Но для его творческого духа было типичным, что он не останавливается на критике прошлых неудач. Он скорее ищет пути, чтобы устранить прежние ошибки самым коренным образом. Словом и пером он выступает за свои новые идеи. При этом, в соответствии со своим характером, он высказывается резко и не стесняясь, что делает некоторых закоренелых традиционалистов его врагами. При этом его полные остроумного анализа и написанные энергичным стилем доклады вызывают тем большее внимание у менее реакционных военных обозревателей. Как блистательным новшеством он начинает также заниматься тесным взаимодействием моторизированных частей с самолетами.

В 1924 году Гудериан становится преподавателем тактики и военной истории, новый продуктивный отрезок в его карьере. Как великий Шлиффен перед Первой мировой войной Гудериан тоже ищет в военной истории прецеденты классических наступательных битв. Но – типично для него – он не возвращается как Шлиффен к блестящим победам вроде Канн или Лейтена, а анализирует поражения, чтобы проследить их причины. Гудериан умеет увлечь своих учеников не только вескими аргументами, но и своим воодушевлением. Его молодые кандидаты в офицеры были в полной мере отборным человеческим материалом. Убедить их можно было только, если он мог подступить к ним с весомыми аргументами, часто из иностранных источников. Благодаря его впечатляющей личности – счастливого соединения духа и пламенного вдохновения – ему удается сделать из своих фаненюнкеров столь же восторженных адептов его идей.

Уже тогда Гудериан ставит в центр своей тактической и стратегической программы одно требование: ударную силу! Чтобы придать силу своим воззре-

ниям, он обращается к примерам тактической бессмыслицы в военной истории. Например, как пруссаки в 1806 году шли навстречу противнику, не стреляя и не ложась на землю под вражеским обстрелом! Но после беспощадной критики следует конструктивный урок: на конкретных примерах он показывает, как ударная сила неизбежно должна приспосабливаться к тактическим и технологическим новшествам.

До 1928 года сам Гудериан еще не видел танк изнутри. Однако летом 1929 года он получает возможность провести учение на местности, которое включает использование боевой группы с оружием, в том виде, как это позже было принято для будущих танковых дивизий. Он старается воплотить в жизнь констатированное Джоном Фуллером требование, согласно которому современный Зейдлиц со своими быстроходными войсками и подвижной артиллерией наносит удар по флангам и тылу врага!

Как и генерал фон Бломберг, Гудериан тоже занимал выжидающую позицию по отношению к стремящимся к власти национал-социалистам. Немецкий офицерский корпус никогда не испытывал восторга к ноябрьской республике. Почти каждый военный осознавал коммунизм как смертельного врага его страны. Когда национал-социализм с его безоговорочным патриотизмом добился, наконец, власти, большинство более молодых офицеров очень скоро охотно пошли к нему на службу.

23 марта 1933 года госпожа Грёне, теща Гудериана, писала так: «После всей этой чудовищности последних лет ваши ребята получают, наконец, чувство почтения и величия». И отец Грёне: «Как... великолепно!» говорил Гитлер. И он хвалит его «железную волю, энергию, а также прекрасные слова в адрес армии». Год спустя жена Гудериана пишет своей матери: «... я не думаю, что мы могли бы найти лучшего, более мужественного вождя в Германии». Ее муж за прошедшее время тоже понял, что в Гитлере, в противоположность ортодоксальным руководителям старой армии, он может найти пылкого покровителя его цели, создания немецких танковых войск.

Сначала Гудериан – как показано в его книге «Внимание – танки!» – рассматривал танковые части преимущественно как оборонительные средства. Тогда ему угроза с Востока, как от Польши, так и от Чехословакии, представлялась больше угрозы с Запада. Имея в виду этот театр военных действий, он требует в высшей степени мобильные войска. При правильном понимании экономического положения Германии для него возможны только ограниченные, короткие и острые операции вместо длительных войн. Верный своему старому принципу ударной силы, он проповедует теперь создания главных ударов с танками, или концентрации наивысшей боевой мощи на решающем месте! Для этого везде и всюду должен действовать принцип внезапности!

Мужская гордость перед королевскими тронами

Ввиду неизбежных завистников и оппонентов из «старой школы» его природный оптимизм часто подвергался тяжелым проверкам. Гудериан был склонен к вспыльчивости, так что его терпение по отношению к упрямым противникам отнюдь не всегда было самым большим. Но он был не «быком», как некоторые из его противников хотели его представить, а в полной мере мужчиной старого прусского образа мыслей, который доказывал «мужскую гордость перед королевскими тронами»! Было вполне естественно, что он, на пути которого его начальники постоянно ставили столь тяжелые препоны, все больше и больше попадает под влияние Гитлера, который как и он идет в ногу со временем и готов выбросить устаревшие программы за борт. Кроме того, Гудериан находит значительную поддержку у руководителя Национал-социалистического автомобильного корпуса Адольфа Хюнлайна, который заботится о том, чтобы точка зрения Гудериана на современную войну изучалась уже в его имперских автошколах.

Направленное против Гудериана сопротивление идет с трех разных сторон:

1. От начальника только что созданного генерального штаба, Людвиг Бек (позже участника антигитлеровского заговора). Бек со своей медлительной и нерешительной природой был полной противоположностью Гудериану. Типичной для его отношения к планам Гудериана была следующая беседа между обоими:

Бек: «Сколько таких дивизий вы хотите иметь?»

Гудериан: «Сначала две, позже двадцать».

Бек: «И как вы хотите командовать этими дивизиями?»

Гудериан: «С фронта, по радио».

Бек: «Вздор! Командир дивизии сидит в блиндаже на тыловой позиции с картами и телефоном. Все прочее – это утопия!»

2. Кавалерия, которая вопреки ее уже ясно осознанной во время мировой войны высокой уязвимости от современного автоматического оружия все еще считается необходимой. Разумеется, кавалерия тоже имела прогрессивных офицеров в своих рядах, которые, как выяснилось позже, смогли перенести молодцеватость и скорость прежних кавалерийских полков на новые танковые части.

3. Артиллерия, ввиду ее прежнего применения больше привычная к позиционным войнам, тогда как Гудериан требует высокоподвижной артиллерии, которая сможет следовать за быстрыми танковыми атаками с такой же большой скоростью. К сожалению для Гудериана высшие командные посты Вермахта были заняты бывшими артиллеристами. Эти военные по всем своим

традициям мало интересовались революционными теориями Гудериана. Это был тот тип, который владел генеральным штабом, и больше того, с помощью своей кадровой политики заботился о том, чтобы на ключевые позиции военной иерархии могли продвигаться люди тех же самых взглядов. А потом они открыто или скрыто выступали против планов Гудериана, также, как они с самого начала, исходя из своих христианских или монархических связей, отвергали Гитлера, хотя благосклонно принимают вновь приобретенный престиж и свой карьерный рост при росте молодого Вермахта!

Можно предполагать, что назначение Гудериана командиром 2-й танковой дивизии должно было удалить его с ключевого поста и лишить влияния. К счастью, для него Гитлер уже тогда ощущает инстинктивное недоверие к реакционным членам генерального штаба. И потому стало возможно, что обособленная Гудерианом организация могла расти дальше. Энтузиазм его учеников дал в итоге отличную основу для последующего создания танковых войск. Однако, машины боевой поддержки на гусеницах, которых он также требовал, ему не предоставляются. Из-за напряженного положения с сырьем у немецкого перевооружения в решающих областях были большие ограничения. Отсутствие этих вездеходных транспортных средств должно было осенью 1941 года оказаться роковым для немецкого наступления, завязшего в русской грязи!

Гудериан заботился о том, чтобы немцы намного опережали своих противников еще в одной области: с помощью абсолютно нового, неповторимого процесса командования и управления! Для Гудериана на ход боя могли оказывать непосредственное влияние только такие командиры, которые буквально «летят и едут» впереди своих частей и подразделений. Как логичное последствие этого требования он выступает за разработку радиостанций для каждого отдельного танка. В дополнение к этой современной системе передач приказов им создаются сетевые системы для перехвата радиосвязи противника.

Полученные таким образом сведения о передвижениях врага в будущем окажутся часто неоценимой помощью для него в самых, на первый взгляд, безнадежных ситуациях.

В одной статье он пишет: «Современный Александр только тогда решит свою задачу, если он поставит достижения техники себе на службу и внушит своим солдатам сознание их психического и материального превосходства над противником, если он с непоколебимым взглядом на великую цель выкует меч для поставленной им судьбой задачи защищать честь и свободу народа».

Однако Бек по-прежнему придерживался противоположного представления, и верные ему офицеры в итоге допускают расщепление войск, противоречащие планам Гудериана, который всегда стремится к наивысшей концентра-

ции. Генерал Томас, например, отказывается от теории «молниеносной войны», в которую Гудериан страстно верит!

Между тем Гудериан отказался от концепции чисто оборонительного применения для своих танковых войск и вместо этого стал готовить для них более наступательные планы. В разгар своей лихорадочной работы он в 1936 году очень быстро пишет свою книгу «Внимание – танки!», частично основанную на его более ранних докладах и статьях. Труд этот усердно изучают военные разведки генеральных штабов армий всего мира. Последние фразы Гудериана звучат так: «Но мы должны осознать, что только сильные нации могут жить долго; стремление к самосохранению может воплотиться в жизнь лишь тогда, когда за ним стоит реальная мощь... богиня Победы увенчает лаврами лишь того, кто готов проявить отвагу».

12 марта 1938 года Гудериан вместе с Зеппом Дитрихом, командиром лейбштандарта СС «Адольф Гитлер», получает право командовать передовыми частями немецких войск при вступлении в Австрию, особенная честь для только что созданных танковых войск. Гудериан состоял в приятельских отношениях с Зеппом Дитрихом, так как Дитрих был смельчаком и тоже разделял новые идеи ведения войны. Гитлер считал Дитриха «одновременно ловким, полным энергии и жестоким», по словам Макси, это было «подходящим описанием для большинства лучших воинов мира».

Госпожа Гудериан после вступления войск пишет своей матери полное воодушевления письмо: «Это едва ли можно осознать... один Рейх, один народ, один вождь!» Гудериан с привычной энергией занимается продемонстрированными большим числом аварий недостатками надежности его машин. Со всем усердием он принимается за задачу сформировать из подчиненных ему теперь трех танковых дивизий первоклассные войска. Его постоянно повторяющийся девиз: стратегический темп, т.е. быть быстрее врага и не дать ему создать новые линии обороны, снова вызывает на передний план его консервативных противников. Гудериан не становится популярнее, когда он отвечает на их критику ироничными отзывами: «Говорят, мотор – это не оружие... то, что моторами нельзя стрелять, это известно!»

Так в борьбе за доминирующее положение родов войск становится все отчетливее, что соперничество в генеральном штабе направлено не только против его целей, а все больше также против его личности.

В октябре 1938 года все выглядит так, как будто он вследствие исходящего от Бека заговора традиционалистов должен быть переведен на должность, которая нейтрализовала бы его влияние. По этому плану он должен был расточать его динамичную энергию на незначительные побочные задания! Если бы Гитлер не стоял на его стороне, то, может быть, вопреки высокой способности Гудериана настоять на своем, никогда не появились бы достойные

немецкие танковые войска. Неудивительно, что на благодарного Гудериана Гитлер произвел сильное впечатление. Две, пусть даже в различных областях родственные души, они оба продвигали вперед свои идеи с революционным вдохновением!

Польша 1939 года – момент истины

Наступил польский поход, для Гудериана и созданных им немецких танковых войск – момент истины! К удивлению всего мира 6 танковых и 4 легких дивизии за несколько дней достигли таких результатов, которые прочие 45 пехотных и кавалерийских дивизий, вероятно, не довели бы до конца за много недель. Верный своему принципу «Командовать впереди!» сам Гудериан едет во главе 3-й танковой дивизии в командирском танке самой новой конструкции, оснащенного радиостанциями для связи, как с тыловыми командными пунктами, так и с другими частями (его оба сына также находятся в танковых войсках). В Польше блестящие командные качества создателя немецких танковых войск впервые демонстрируются в реальности боев. Вдолбленные в голову его солдат еще в мирное время принципы «огня, движения и быстрой связи» образуют наряду со смелостью немецкого солдата основу для драматических успехов немецкой армии.

Гудериан решает свои боевые задачи в быстром темпе, которого он всегда требовал. Его находящиеся в постоянном движении и самостоятельно оперирующие танки не оставляют противнику времени, чтобы сконцентрироваться для серьезного сопротивления. Наибольшее значение для уверенности в себе его молодых танковых войск имеет его личная роль командира. Гудериан неутомим, и он всегда там, где горит, и его личная инициатива решает все. Неустрашимый и не щадящий себя как фронтового командира, он приобретает славу бесстрашия в глазах своих солдат, которые безгранично восхищаются им как примером настоящего воина.

Он также может приходить и в ярость, если, например, командир танкового полка приказывает остановиться у реки, которую он считает слишком сильно защищенной (командира дивизии Гайр фон Швеппен как раз блистал своим отсутствием). Только личное вмешательство Гудериана снова сдвинет наступление с мертвой точки. Характерна для его манеры также резкая критика командира, который отвел назад свои войска, получив сообщение о появлении польской кавалерии. Гудериан саркастично спрашивает его, слышал ли он хоть когда-нибудь о том, что померанские гренадеры пехоты убегали от вражеской кавалерии!

Даже после подавляющей победы немецкого Вермахта над Польшей только немногие поняли, что на самом деле именно новые идеи Гудериана, осуществленные вопреки большинству немецких военных специалистов, привели к этой неожиданно быстрой и решительной победе. При более длитель-

ной, изматывающей кампании значительно возросла бы опасность на Западе, где французы и англичане выжидающе стояли в полной боевой готовности.

К своему удивлению и удовлетворению Гудериан 11 февраля 1940 года встречается с благосклонной позицией фон Рундштедта по отношению к его планам при штабных учениях перед предстоящим французским походом, вероятно, потому, что эти планы встречали одобрение Гитлера. Это было исполнением его мечты. Гальдер хотел держать немецкие танки на Маасе в течение похода, пока не подойдут пехотные дивизии. Но Гудериан энергично настаивает на массированном внезапном наступлении, чтобы вбить «ударный клин настолько глубоко, чтобы можно было не заботиться о флангах». В своем большом исследовании «История Второй мировой войны» Лиддел Гарт изображает слабость наступающих немецких армий по численности и по вооружению. Он приходит к выводу, что риск неудачи немецкого наступления был значителен, и что успех в высшей степени был обязан динамичной воле человека, который заложил фундамент для немецкой победы своими новыми идеями глубоких прорывов бронированных клиньев!

Победа на Западе

На глубине в целом 160 км три немецких армейских корпуса 10 мая 1940 года наталкиваются на Арденны, до тех пор считающиеся непроходимыми для танков. В течение только пяти дней половина французских бронетанковых войск, значительно превосходящих немцев по численности и вооружению, выбита. Во время этой столь же рискованной, как и молниеносно проведенной наступательной операции военные всех званий узнают о нетерпеливом Гудериане и восхищаются им. «Быстрый Гейнц» заботится обо всех и о каждом. Как пишет Макси, «результатом было чувство безусловного взаимного доверия, которое является предпосылкой для замечательного руководства».

Снова и снова истинный командный талант Гудериана проявляется особенно в рискованных ситуациях. Пауль Дирихс пишет о нем: «Полное владение обстановкой и доверие к командованию и войскам распространяют чувство военной надежности и личного спокойствия. В такой обстановке не бывает волнения и тем более каких-либо моментов нервозности». И если Гудериан ставит какому-то подразделению такое далеко идущее дневное задание, что у его офицеров перехватывает дыхание, то он умеет «в кратких, ясных изложениях разъяснить необходимость этой задачи. Он в такие моменты говорит захватывающе и переносит свое бурное стремление вперед на свое более широкое окружение».

Насколько резко мнения фронтовых командиров и более высоких командных инстанций часто расходились, проявляется 17 мая, когда фон Клейст посещает подчиненного ему Гудериана и упрекает его в том, что он своим слишком быстрым продвижением создал слишком широкий фланг. Но вместо того,

чтобы просто принять и выполнить приказ о приостановке быстрого наступления, Гудериан в агрессивном тоне требует освободить его от командования, причем немедленно. Рундштедт приказывает ему оставаться, тем не менее, и позволяет ему продолжать «разведку боем», но при этом оставить свой командный пункт корпуса на старом месте. Лиддел Гарт наслаждается тем, как Гудериан интерпретирует приказы вышестоящих командиров на свой лад и наступательно продолжает вести эту «разведку боем» вперед и вперед. Он приказывает проложить телефонный кабель для передачи приказов вперед, чтобы его начальники теперь не могли подслушивать его дальнейшие приказы передовым частям!

Также Гитлер, который в тот же самый день пришел к фон Рундштедту, скорее предпочел бы довольствоваться гарантированными достижениями, чем идти на риск безостановочного прорыва к Ла-Маншу. Без сомнения, в нем тут говорил и его опыт Первой мировой войны, когда первоклассной императорской армии за четыре с половиной года так и не удалось окончательно победить французов и англичан. К счастью, на этот раз неожиданным союзником для Гудериана оказывается Гальдер. Гальдер, рассердившись из-за этой преувеличенной осторожности, настаивает на продолжении наступления к побережью.

20 мая, в момент завершения «захватывающей дух гонки к Ла-Маншу», как назвал это продвижение Лиддел Гарт, корпусу Гудериана к концу этого напряженного наступления удастся достичь самого высокого суточного темпа продвижения его танковой части во всей французской кампании: 90 км в боях от Каналь-дю-Нор до Аббевиля! Немецкие танковые войска свободно могут повернуть либо на юг, либо на север против Кале и Дюнкерка. Как писал Фуллер: «Скаковые лошади не останавливаются у финишной отметки». И Гудериан никогда не удерживал, по словам Макси, «скачущую галопом скаковую лошадь назад». Если бы Гудериан и Рейнхард 21 мая сразу ударили дальше на Булонь и Кале, то они смогли бы взять эти почти незащищенные портовые города одним ударом. Но Главное командование сухопутных войск (ОКХ) и Главное командование Вермахта (ОКВ) были настолько поражены своим собственным успехом, что на этот случай у них не было соответствующих планов и приказов.

Когда от Дюнкерка немцев отделяет только лишь 25 км, и его можно взять, немецким передовым частям поступает знаменитый приказ об остановке. Есть разные объяснения этого – как выяснилось позднее – злосчастного решения немецкого руководства. Отнюдь не ошибочно утверждение, что Германия проиграла войну не под Сталинградом или Курском, а уже в тот момент, когда немцы позволили английской армии ускользнуть почти в целостности и образовывать вместе с тем основу для стойкости Англии и более позднего вторжения союзников. По мысли Макси, у Рундштедта и Клюге сдали нервы. Гитлер был нерешителен, но затем с жаром подхватил кичливое

предложение Геринга предоставить уничтожение портового города его авиации.

Однако Лиддел Гарт приводит другое объяснение, согласно которому – и он отнюдь не одинок в этом предположении – Гитлер якобы осознанно позволил британскому экспедиционному корпусу уйти. Лиддел Гарт дословно пишет так: «Вмешательство Гитлера спасло их [англичан], когда уже ничто иное не смогло бы их спасти». В другом месте он цитирует Гюнтера Блюментритта из штаба Рундштедта, который передает мотивы Гитлера как указано ниже: «Он хотел заключить разумный мир с Францией, тогда был бы свободен путь для компромисса с Англией. И тогда он удивил нас, когда он с восхищением заговорил об английской империи, и о необходимости ее существования, и о цивилизации, которую Англия принесла миру... Он говорил, что он лишь хочет от Англии, чтобы она признала положение Германии на континенте. Возврат немецких колоний желателен, но не существенен, что он даже предложил бы свою военную помощь Англии, если бы она нуждалась где-нибудь в этом». Он закончил словами, «что его цель – заключить с Англией мир, который сохранил бы ее честь!» И с этой фантастической позицией (так при трезвой оценке можно оценить многовековую английскую политику, обусловленную хитростью и неистово-эгоистичными захватническими войнами) немецкий глава государства хотел выиграть борьбу, в которой речь для немецкого народа шла о жизни или смерти!

Гудериан онемел, узнав о приказе остановиться. Также и Гальдер был объят ужасом, но их обоих победили большинством голосов. Люфтваффе Геринга не выполнила его столь напыщенных обещаний. Вмешательство авиации никак не компенсировало отсутствие уничтожающего наступления на суше. Британцы и с ними часть французских войск смогли ускользнуть благодаря блестяще сымпровизированной Англией спасательной операции через Ла-Манш (и с согласия Гитлера).

И на дальнейшем этапе французского похода, когда он командует «Танковой группой Гудериана» тоже происходят новые споры с начальниками, которые все еще таят обиды на его рвущиеся вперед танки. В письме жене от 15 июня, через день после взятия Парижа, Гудериан пишет: «...борьба против собственных начальников иногда стоит больше труда, чем против французов... страна в катастрофическом состоянии... весь скот мрет...». Ощущаемое в этом письме сочувствие немецкого генерала стоит в резком противоречии к сказкам о немецкой беспощадности. В куда большей степени наши противники вели свои кампании и ковровые бомбардировки с безжалостной жестокостью против гражданского населения. Уничтожение противника было для Гудериана, как и для немецкого солдата вообще, не следствием ненависти, как у наших врагов, а скорее сравнимым с чисто удачной операцией умелого хирурга.

22 июня происходит перемирие. Теперь имя Гудериана у всех на устах. Благодарная нация объявляет его ее народным героем. Его танковая группа за 13 дней в одиночку взяла 250 тысяч пленных. Однако для твердого характера Гудериана характерно, что эти успехи не делают его заносчивым.

27 июня он встречается с Риттером фон Эппом, уполномоченным по немецким колониальным вопросам. Оба дальновидных человека после победы над Францией и отвергнутым Англией предложением мира (ведь ее армия была спасена!) обсуждают получившиеся в итоге стратегические возможности успешного окончания войны. Они считают вторжение в Англию слишком рискованным из-за огромного превосходства английского флота. Гудериан и фон Эпп, так же как гросс-адмирал Дёниц хотят сделать операционной базой жизненно важное для Англии Средиземноморье, чтобы вследствие этого принудить англичан к миру. Возможно, в союзе с французами, которые по понятным соображениям очень сердиты на коварный Альбион за то, что он бросил их на произвол судьбы. При активном или пассивном участии Франции захват только слабо защищенной Мальты, а также удар в Египет обещали самый лучший успех, не говоря уже о шансах энергично проводимой подводной войны против жизненной артерии Англии. Но такая попытка была предпринята только гораздо позже, когда противник уже был готов к этому, и она оказывается напрасной. У Гитлера такие современные морские планы находили мало благожелательности. И еще гораздо меньше у ревнивого Муссолини, который не желал немецкого влияния в «своем» пространстве!

План «Барбаросса»

В тот роковой день 22 июня 1941 года – из-за ранее внезапно разразившегося балканского кризиса с опозданием на несколько недель – германский Вермахт со своими союзниками на ширине фронта 2000 км приступает к нападению на Советский Союз.

Не на «мирный» Советский Союз, как поклонники почтенного товарища Сталина пытаются убедить мир еще сегодня! За прошедшее время многочисленными, в том числе и иностранными источниками было доказано, что Гитлер своей беспрецедентной по своему масштабу операцией всего на несколько недель опередил наступательные планы Сталина.

Гудериан знал об опасном превосходстве Красной армии в танках, артиллерии и самолетах. Но он и в этом походе ведет свою танковую группу от победы к победе. На этот раз против в сравнении с французами куда более жесткого и мужественно сражающегося противника. К этому добавляются гигантские удаления изматывающей силы территории, часто с только намеками на дорогу, и связанные с этим трудности снабжения. Немецкое командование, ко всему прочему, было вынуждено еще раньше выделить значительные силы на Балканы, а также послать танковые дивизии в Африку, спеша на по-

мощь побитым итальянцам! Германия ведет таким образом не только трагическую войну на два фронта. Она дополнительно ввязалась в военные действия на сильно удаленных друг от друга театрах. Вместо того, чтобы смочь применять Гудериана известную бывшую стратегию концентрации, немцы вынуждены к растрачиванию ценных сил. Поэтому наступление на просторы России происходит с абсолютно недостаточными средствами. Как скоро должно выявляться, Гитлер и командование переоценили французов, зато очень сильно недооценили боевую мощь Советской России!

Частично из-за этой ошибочной оценки Красной армии немецкое командование упускает момент, чтобы поддержать военные операции искусственной политической стратегией. В слепом доверии к лучшим солдатам мира вожди Германии воздерживаются от попытки завоевать на свою сторону подавляемые Сталиным народы и привлечь к себе его многочисленных противников как потенциальных друзей. Над всем доминирует слишком негибкая для этой решающей все борьбы, далекая от реальности идеология, смешанная с устаревшими империалистическими целями. Эффект от этого вскоре проявляется в форме сильных оперирующих в немецком тылу формирований партизан, а также в последующем укреплении советского сопротивления.

На этот раз Гудериан командует пятью танковыми дивизиями, но боевой состав этих соединений настолько прорежен, что он имеет в своем распоряжении в целом в числовом порядке меньше (пусть даже и лучше бронированных) танков, чем во Франции. Во Франции участок фронта для корпуса никогда не превышал 40 км, в России напротив для его танковой группы он доходит до 160 км! Вопреки всем трудностям Гудериану для преодоления 440 км от Брест-Литовска до Бобруйска понадобилось только семь дней. С дневным рекордом в 115 км он превосходит свое собственное максимальное достижение во Франции.

Все же, вопреки огромному количеству захваченного вооружения, техники и пленных после огромных битв на окружение Советы явно все еще не были разбиты. Подгоняемые Сталиным с бесцеремонной беспощадностью, они настойчиво продолжают сражаться. 4 июля Гудериан пишет жене: «... он (фон Клюге) сразу же проявил себя в высшей степени эффективно как человек, тормозящий все дело», а потом, впервые намекая на сомнения в рассудке немецкого командования, «все замирает в почтении перед на самом верху, и никто не решается ничего сказать. Это стоит очень много ненужной крови!»

Советы к этой ранней дате были в большом замешательстве, но немецкое командование не использует этого положения. Если во время первых кампаний Гитлер больше сдерживался, то при наступлении в России он включается в дело все больше, переходя даже к непосредственным приказам для ограниченных задач отдельных танковых корпусов. Как выразился Гот, это раз-

дробление превратило «танковый кулак в широко растопыренную ладонь» – полная противоположность принципа «Бить, так бить!».

10 июля Гудериан близ Толочино фотографирует первый русский Т-34, однозначно превосходящую немецкие танки боевую машину русских, против которой немецкие противотанковые пушки ничего не могут сделать. Это время первого кризисного настроения на немецкой стороне. Густая пыль привела к ускоренному износу моторов в немецких машинах. Немецкие механики не могут работать так быстро, как требуются ремонты. И русская железнодорожная система из-за большей ширины колеи может применяться только после продолжительной реконструкции.

Перед лицом всех этих неприятностей Гудериан снова проявляет несравненное искусство командования. Офицер Люфтваффе фон Барзевиш с восхищением пишет по поводу отдачи приказа 11 и 12 июля: «Если Гудериан решает, это словно бог войны скачет верхом над полем брани. Когда его глаза вспыхивают, кажется, что Водан бросает молнии или Тор машет своим молотом». И вечером он слышит, как Гудериан по телефону, снова борясь с сопротивлением командования, провозглашает: «Речь идет не о моей славе, а о Германском Рейхе!»

Операции Гудериана и Гота под Смоленском могут быть причислены к самым достойным восхищения сражениям Восточного похода. Только если танки до люков тонут в грязи, звучит приказ об остановке. В иных случаях не останавливаются даже ночью. Бензин и боеприпасы оказываются на исходе, солдаты и машины измучены усталостью. Но Гудериан всюду.

В то время как полководческое искусство Гудериана достигает апогея, в оставшихся далеко в тылу штабах все больше не могут справиться с ситуацией. Командиры танковых войск постоянно должны бороться за снабжение и подкрепления для своих ослабевающих частей. ОКХ и ОКВ были после многих немецких побед опасно избалованы и пребывали в наивной вере, что всегда должно продолжаться именно и только так. Они не хотели понимать, что успехи немецких бронированных клиньев были почти военными чудесами. В штабах не имели никакого понятия, при каких невыразимо жестких условиях должны были командовать фронтовые командиры. Никто из тех, которые сидели в удобно обставленных квартирах у ломберного стола, никогда не участвовали в чем-то похожем. Гудериан, напротив, знал в лицо почти всех из подчиненных ему 300 тысяч солдат.

Когда в начале августа 1941 года становится все отчетливее, что сил Вермахта хватит только для одной цели, фон Бок, фон Клюге, Гудериан, Гот, также как Браухич и Гальдер выступают за наступление на отдаленную всего 300 км, едва ли защищенную Москву. Но Гитлер принял иное решение. Для него при принятии решения экономические аспекты оказались важнее чисто

военных. Вместо того чтобы взять Москву, он требует занятия Ленинграда и Украины.

Все остановилось. В наивысших штабах, где нельзя было слышать канонаду, и не торопило время, развивается бесконечный спор об избираемой стратегии. В то время как немецкие наступающие соединения скованы приказами и стоят на месте, Красная армия впервые получает шанс создать сильные оборонительные позиции. Гальдер, шеф ОКХ, близок к отчаянию. Ему абсолютно ясно, что ошибочная стратегия в этой гигантской борьбе предвещает Германии поражение. [Автор, как мы думаем, рассматривает проблему несколько слишком поверхностно. Истинное лицо Гальдера и его установка на поражение Германии становится отчетливее видны здесь! примечание Scriptorium]

Вопреки оппозиции своих генералов Гитлер приказывает, наконец, после критически длинного промедления повернуть танковые соединения на юг, чтобы взять Киев. Гальдер об этом замечает, что операция в Украине возможна, но она исключила бы последующее наступление на Москву, так как немецкая армия вообще не подготовлена к зимнему походу! Он указывает на огромные трудности с тыловым снабжением в условиях суровой русской зимы. Но когда Гитлер возражает, что «мои генералы ничего не понимают в военной экономике», присутствующие только закивали, как сообщает Гудериан, «и я с моей позицией остался в совершенном одиночестве».

Результат битв на Украине на первый взгляд поражает: почти полмиллиона пленных, больше чем 800 танков и 3500 орудий! Но пока немецкие потери в живой силе и технике возмещаются в столь жалком масштабе, для Красной армии беспрерывно поступает снабжение с заводов по ту сторону Урала – и уже даже частично из США.

Поворот направления на 90 ° из котла вокруг Киева к наступлению на Москву представляет, по мнению Макси, «абсолютно блистательное достижение в плане организации и командования – почти без параллелей». Дни становятся короче, погода мешает сыростью и холодом. Гудериан располагает только лишь почти половиной его бронированной силы. Продвижение на раскисших дорогах становится почти невозможным для немецких негусеничных машин. Не хватает горючего. Железная дорога терпит недостаток в вагонах и паровозах. Немецкие фронтовые войска знают, что они соревнуются в гонке не только против Советов, но так же против времени и русской зимы.

Как всегда Гудериан на фронте, чтобы вести свои войска вперед. Он и его солдаты все еще убеждены в том, что эту кровавую борьбу можно довести до конца только новым наступлением. Авиационный подполковник фон Барзевитш передает свои впечатления от естественной манеры Гудериана обращаться к своим солдатам: «Сегодня Гудериан страшно испугал старых шатких папаш из пехоты, которые прибыли теперь к нам и не знают нашего ко-

мандира... «Вы думаете, что не сможете прикрыть 10 км вашим батальоном? Как жаль! Подумайте-ка, у меня есть открытый фланг на 300 км, на котором ничего не стоит, и это мне вовсе не мешает. Так что, будьте добры...»».

При наступлении на Тулу немецкие танки при встрече с превосходящими их Т-34 и массивными КВ-1 терпят тяжелые потери. Темп продвижения падает до скорости улитки. В ночь с 6 на 7 октября падает первый снег. После каждого нового снегопада последующая оттепель делает все дороги непроходимыми. Противник может все легче готовиться к следующим операциям немцев. Изменения направления удара для достижения внезапности наступления становятся невозможными. Озабоченно думая о положении своих солдат, Гудериан пишет 21 ноября своей жене: «Требования к войскам чрезмерны. Их достижения тем более по-прежнему замечательны. Любая, хоть какая-нибудь поддержка сверху отсутствует».

Стойкость в катастрофе

Незадолго до этого у генерал-фельдмаршала фон Браухича случился сердечный приступ. Генерал-фельдмаршал фон Бок продолжает работу вопреки сильным спазмам желудка вплоть до истощения. На севере столбик термометра даже сейчас падает до 30 ° мороза. Чувствительные немецкие моторы и автоматическое оружие отказывает, если масло застывает. При жестоком морозе (скоро до -50 °) не хватает всего: теплых сапог, шерстяных носков и т.д. и т.д. Боевая мощь войск падает вместе со столбиком термометра.

30 ноября Рундштедт самовольно переносит назад свою выдающуюся вперед линию обороны, находившуюся под сильным советским давлением. Это первый стратегический отход немецких войск с 1918 года! После требования ОКВ отменить свое решение, он ожесточенно требует снять себя с должности. Его преемником для группы армий «Юг» становится фон Райхенау. Однако отход продвигается. Сопrotивление в немецком генералитете против упрямой позиции Гитлера растет. Даже Зепп Дитрих не сдерживает своей критики.

Благодаря своему первоклассному шпиону в Токио Рихарду Зорге Сталин знает, что он может не опасаться каких-либо военных действий со стороны Японии на востоке. Следовательно, он может перебросить свежие, превосходно снабженные и подготовленные для зимней войны сибирские дивизии на Запад. В ожидании запланированного широкомасштабного советского контрнаступления Гудериан, Гепнер и Рейнхард накануне 6 декабря берут, не ожидая приказа фон Бока, отводят свои далеко выдвинутые передовые части назад для обороны.

Советский натиск становится настолько сильным, что немцам приходится бросить значительное количество тяжелого вооружения и техники, даже ра-

ненных и полубмороженных. Вопреки всему признаков паники нет. Но первое поражение в Русском походе начинает намечаться. В письме жене от 16 декабря Гудериан выражает свои заботы о солдатах: «Ночью я много лежу без сна и мучаю свой мозг мыслями, что я мог бы сделать, чтобы помочь моим бедным солдатам, которые в этой безумной зимней погоде должны оставаться беззащитными снаружи... люди из ОКХ и ОКВ, которые никогда не видели фронт, не могут иметь никакого понятия об этой ситуации. Они всегда только телеграфируют невыполнимые приказы».

Доходит до новых столкновений со штаб-квартирой фюрера. Гитлер обещает помощь по воздуху и снова отдает свой приказ удерживать позиции, несмотря на местные условия. Однако на просторах России однозначно перегруженная военная авиация даже приблизительно не может покрывать требования снабжения выдвинутых вперед фронтовых частей. Посреди общей катастрофы фон Браухич вынужден покинуть пост главнокомандующего сухопутных войск. Но на его место в ОКХ пришел не Гудериан, как хотелось бы нескольким прозорливым офицерам, а сам Гитлера!

Гудериану удастся добиться непосредственной аудиенции у Гитлера. Пятичасовая беседа, которая происходит 20 декабря, проходит абсолютно безрезультатно. Для Гудериана движение всегда значит безопасность, все равно, будь то во время наступления или в обороне. Но Гитлер каждый раз отвергает его предложения. И требование Гудериана заменить «бюрократов» в ОКВ на опытных фронтовых офицеров тоже отвергается.

24 декабря 1941 года немцы теряют Чернь. Снова доходит до спора между Гудерианом и фон Клюге, которого первый позже назовет «трудным начальником». Гудериан просит сменить его, но фон Клюге опережает Гудериана с тем же самым заявлением в ОКХ, и Гитлер охотно готов проситься с этим своеобразным человеком. Роковой трагедией для Германии стало то, что вынужден был уйти как раз тот человек, который мог добиться наилучшего в самой безвыходной ситуации, и замечательный командный талант которого сделал возможным большие немецкие победы и без ненужных потерь. Гудериан жертвует своей военной карьерой, когда он под Москвой в самом глубоком несчастье борется за наилучшую, по его мнению, оборонительную стратегию. (Однако Лиддел Гарт полагает, напротив, что под Москвой был прав как раз Гитлер, когда он своей железной выдержкой предотвратил паническое бегство немецких войск).

Учитывая его заслуги, Гитлер приказывает подарить Гудериану поместье площадью в 4000 моргенов в Вартегау. Но никогда не склонный к пассивности, Гудериан, наряду с его новой деятельностью в качестве фермера, поддерживает свои связи со старыми братьями по оружию, в том числе также с Зеппом Дитрихом из Ваффен-СС. И Зепп Дитрих, старый рубака и боец добровольческого корпуса, неустрашимо заявил Гитлеру, что с Гудерианом под

Москвой поступили несправедливо. Следующей весной он публично показывает своему старому командиру свое глубокое уважение.

В начале 1943 года в высших командных инстанциях начинают искать человека, который мог бы привести к повороту становящегося все более угрожающе положения. Гитлеру рекомендуют почитать довоенные труды Гудериана. Гитлер достаточно поражен, чтобы выслушать Гудериана. 28 февраля 1943 года в дневнике Шмундта, начальника управления кадров, была сделана такая пометка: «Фюрер постановил создать должность главного инспектора танковых войск. Генерал-полковник Гудериан назначается главным инспектором».

Все еще было достаточно много завистников, которые с неудовольствием смотрят на назначение Гудериана. Но сражающиеся войска единогласно приветствуют то, что «быстрый Гейнц» снова с ними. И Альберт Шпер тоже рад, что может теперь в сфере производства вооружения сотрудничать с таким способным человеком, как Гудериан. Первая мера Гудериана состоит в том, чтобы использовать в его штабе только опытных фронтовых офицеров, так как он знает, что господа из ОКХ и ОКВ часто на несколько миль удалены от реальности. Полковник Вольфганг Томале, воодушевленный танкист с выдающимися талантами, становится начальником штаба Гудериана. При вступлении Томале на должность Гудериан снова демонстрирует свой привлекательный юмор, когда он, ухмыляясь, объявляет Томале: «Один из нас должен путешествовать, а один должен работать. Я буду путешествовать».

Хоть Томале и завален целыми горами работы, он с редким воодушевлением работает для человека, которого он обозначает как «самого лучшего и самого ответственного генерала Германии». Во время своих бесчисленных инспекций Гудериан все яснее осознает рискованное положение Германии, как и то, почему в этой войне началось так много поражений. С железной энергией он всюду старается исправлять зашедшие в тупик ситуации. (Я рекомендую по этой теме отличную книгу Макса Клювера: «Проиграв победу. Должна ли Германия была проиграть Вторую мировую войну?»: *Max Klüver. Den Sieg verspielt. Mußte Deutschland den 2. Weltkrieg verlieren? Druffel, 1984*).

Удар заговорщиков

Намеревающиеся устранить Гитлера заговорщики пытаются обратиться к Гудериану, так же, как и к популярному Роммелю. Его посещает Гёрделер, чтобы склонить к сотрудничеству. Но Гудериан остается верным присяге. Это решение облегчается ему еще и тем фактом, что как раз Бек, которого он из-за его нерасторопной и медлительной природы считает неспособным, должен быть главой заговорщиков. Но он сдерживает данное им Гёрделеру слово и сохраняет молчание об их встрече.

О планах заговорщиков 20 июля Гудериан пишет так: «В том опасном положении, в котором уже находился Рейх... ввиду требования [союзников] о безоговорочной капитуляции, нужно было выбрать путь, которая не вел бы Рейх и народ к катастрофе. В результате я решил отвергнуть проект доктора Гёрделера как вредный и практически неосуществимый. Как и вся армия, я также чувствовал себя связанным военной присягой». То, что один из заговорщиков должен был угрожать Гудериану тем, что раскроет его «причастность», чтобы тем самым принудить его к участию или к молчанию, говорит не в пользу путчистов, но однозначно в пользу характера Гудериана, на которого такие уловки совсем не подействовали.

Даже после неудачи операции «Цитадель», большого немецкого наступления под Курском, Гудериан все еще полагает, что он, получив необходимый авторитет, мог бы предотвратить угрожающее поражение. Теперь испытанный армейский стратег пытается воздействовать целенаправленными политическими ударами ради изменения кадрового состава на самых высших руководящих постах. Он добивается обещающего успех контакта с Геббельсом. Геббельс был очень впечатлен Гудерианом и, кажется, приветствует его предложение радикального изменения кадров в ОКВ. Но как бы умен и прозорлив не был Геббельс, у него никогда не хватило бы духу, чтобы рассердить своего любимого фюрера нежелательными просьбами или предложениями.

Большие наступательные операции Советов беспрерывно прижимают немецкий фронт к границам Рейха, уничтожены целые армии, которые из-за запрета Гитлера своевременно отходить, как и из-за измены заговорщиков, разгромлены или окружены русскими. Вероятно, из-за фатального воздействия инъекций его лейб-медика доктора Морелля – не говоря уже о сверхчеловеческой нагрузке в этой титанической борьбе – столь подвижный и живой прежде дух Гитлера все сильнее окостеневал. О замечательной оборонительной силе немецких танковых частей в подвижных операциях, об «ударах задней ногой», он ничего больше и знать не хочет – из чистого недоверия. В своих усилиях не отдавать территорию, он при невероятно возросших потерях и без того уже изнуренных немецких войск он достигает полной противоположности! Если бы Гудериан не ввел все эти технические и организационные улучшения как главный инспектор, немецкие войска на Востоке распались бы уже гораздо раньше.

Вечером 20 июля 1944 года Томале сообщает Гудериану, что тот должен посетить ОКХ в Летцене, чтобы принять в свои руки пост начальника генерального штаба. Цейтцлер впал в немилость у Гитлера. Гудериан в начале его новой служебной деятельности констатирует: «Я стал бы подлецом и трусом в собственных глазах, если бы не предпринял попытку спасти войска на востоке и родину – Восточную Германию».

Задача Гудериана оказалась сизифовым трудом. Он несет ответственность за операции на Восточном фронте, но находится под буквально смешной опекой со стороны Гитлера и ОКВ. Но и в этом курьезном положении он демонстрирует свое мужество. Вероятно, побужденный Геббельсом, он 23 июля в обращении по радио он признается в верности «подобающему приличному солдату пути долга и чести». Он цитирует девиз почитаемого им и его товарищами фельдмаршала Первой мировой войны Пауля фон Гинденбурга, «верность – это знак чести».

Шаг Гудериана – это для него вовсе не пустая пропаганда в духе «продержаться любой ценой». Он решительно ставит свою страну выше собственной персоны. Со своим все еще не полностью покинувшим его оптимизмом он надеется, что сможет добиться военной «ничьи», чтобы сделать возможным в некоторой степени приемлемый мир. Если ему удастся укрепить Восточный фронт, то, как он надеется, с западными державами можно было бы, вероятно, заключить сепаратный мир.

Его ожидания вскоре разрушатся, когда после успешного вторжения союзников Гитлером будет отдан приоритет западному театру военных действий, «чтобы защитить Рур». Здесь Гудериан слишком оптимистичен. Даже уже тогда было более чем достаточно документов, доказывающих, что союзников ничем нельзя было удержать от их направленной против Рейха жестокой воли уничтожения.

Сформированные Гудерианом свежие оборонительные подразделения для войск на Восточном фронте вместо этого перебрасываются на Запад, что еще дальше обнажает Восточный фронт, ведущий ожесточенные сражения частично уже на территории самой Германии. Гудериан считает себя вынужденным возвратиться к его старым методам обхода бессмысленных команд. От адмирала Хорти он незадолго до крушения Венгрии получил политический урок, который заставил его задуматься. «Видите ли, господин товарищ, в политике всегда нужно иметь в запасе несколько разных средств». Политические вожди Германии, находясь в плену их негибкой идеологии, редко демонстрировали что-то из этой прагматичной маневренности.

Нефтяные месторождения Плоешти потеряны. Горючее для подвижных частей быстро оказывается в дефиците и это почти останавливает эти части. Когда-то такие гордые немецкие танковые дивизии – это только лишь тень их самих. Гудериану удалось остановить Советы под Ригой, чтобы создать коридор для отхода немецких войск в Восточную Пруссию. Они должны были помочь защитить эту передовую немецкую провинцию от подавляющего советского перевеса. Но Гитлер запрещает запланированные отходы и требует от вскоре окруженных курляндских дивизий стоять на месте.

Происходящие споры в штаб-квартире фюрера становятся показательными примерами бесполезной траты времени и маловажности. В январе 1945 года климат обсуждений в ОКХ и ОКВ ухудшается еще больше, когда после неудачи наступления в Арденнах там снова носятся с планами наступления на западе, в то время как поступают несомненные доказательства нового большого наступления русских. Гудериан посещает отдельных командующих армий на Востоке и после разговоров с фронтовыми командирами вынужден прийти к печальному выводу, что война окончательно проиграна. Когда Гудериан зачитывает доклад генерал-майора Гелена (начальника отдела иностранных армий Востока) об огромном превосходстве русских, Гитлер яростно возражает, мол, Гелена следует отправить в сумасшедший дом. На это Гудериан так же жестко отвечает: «Тогда посадите сразу и меня тоже!» Он отказывается отстранять Гелена. И он объясняет Гитлеру: «Восточный фронт как карточный домик. Если фронт будет прорван в одном единственном месте, то он рухнет». Несколько дней спустя беда нависла над солдатами Восточного фронта.

Гудериан требует перебросить с Запада подкрепления для усиления сражающегося против жестоких и безжалостных противников Восточного фронта, но ему не позволяют. Вместо этого шестая танковая армия СС из Арденн перебрасывается в Венгрию. 21 января 1945 года, после решающих успехов советских ударных армий, Гиммлер назначается главнокомандующим группы армий «Висла». Но также и со стратегами мировоззрения красный потоп остановить не удастся.

Уровень обсуждений в бункере фюрера опускается к новым низинам при борьбе фронтовых командиров против твердолобости мечтателей – или, как обозначил их Роммель – стратегов мягкого кресла. В начале февраля Гудериан как раз возвратился с беседы с японским послом Ошимой. Он снова требует от Гитлера эвакуации курляндских дивизий морским путем. Когда Гитлер снова отказывается, Гудериан с блестящими глазами встает перед фюрером и энергично требует: «Это наш долг спасти этих людей! У нас есть еще время, чтобы вывезти их!» Диалог обостряется настолько, что едва ли не доходит до физического столкновения! 13 февраля эта напряженная дискуссия повторяется в Имперской канцелярии, на этот раз по поводу запланированной наступательной операции. Впервые Гитлер запуган одним из своих генералов. Здесь перед ним стоял не поддакивающий человек, а мужчина, смело защищающий то, что он считает правильным! Это академический вопрос, какой ход был бы у войны, если бы Гудериан с самого начала был начальником генерального штаба вместо его более уступчивых предшественников.

Принимая во внимание предстоящее крушение, Гудериан вместе со Шпеером старается насколько возможно ограничить материальные потери и уменьшить кровопролитие. Он все больше отводит свою личность на задний план.

Ежедневно он продолжает выступать против утопических планов удаленных от реальности политических стратегов и непреклонно борется за своих офицеров и солдат!

Макси пишет о последнем полном напряжении обсуждении 28 марта 1945 года, после которого Гудериан снова отправляют в «отпуск»: «... что последний великий начальник генерального штаба оставался верным своему заданию и до конца боролся за свои убеждения». Гудериан был единственным генералом, который еще в течение последних дней Третьего Рейха добился уважения у его фюрера. «Если Гудериан вопреки своей позиции как солдат вмешался в извилистые дороги политики, то только по одной причине: Германия была для него прежде всего!»

Последнее слово

Предоставим, наконец, слово самому Гудериану. В конце своих «Воспоминаний солдата» он пишет:

«В тяжелые дни один принц прусского королевского дома прислал мне небольшой портрет Фридриха Великого, на котором были написаны слова, сказанные великим королем в момент величайшей опасности своему другу маркизу д'Аржан: «Ничто не изменит внутреннего существа моей души, я пойду своим прямым путем, буду делать все, что сочту полезным и честным». Я потерял этот портрет, но запомнил слова короля и руководствовался ими в своих действиях.

Я не мог предотвратить поражения своего отечества, хотя и прилагал все свои усилия. Никто не может сомневаться в моей доброй воле.

В этой книге я выражаю свою благодарность, как погибшим, так и уцелевшим моим старым солдатам; она должна навечно сохранить их славу».

И затем он направляет последнее, напоминающее слово своим прежним товарищам по оружию, которое заканчивается требованием:

«Единство, право и свободу дадим германскому народу!»

Библиография

- Adolph-Auffenberg-Komarow, Helwig, *Die besten Soldaten der Welt*; FZ-Verlag 1994.
- Carell, Paul, *Unternehmen Barbarossa*; Ullstein 1963.
- Goebbels, Josef, *The Goebbels Diaries*; L. P. Lochner, Doubleday 1994.
- Guderian, Heinz, *Erinnerungen eines Soldaten*; Motorbuchverlag 1994.
- Guderian, Heinz, *Panzer Leader* (американische Taschenbuchausgabe mit einem Vorwort von Liddell Hart); Da Capo Press 1996.
- Liddell Hart, Basil, *History of the Second World War*; Putnam 1970.
- Liddell Hart, Basil, *The German Generals Talk*; Berkley 1948.
- Liddell Hart, Basil, *Strategy*; Praeger 1967.
- Macksey, Kenneth, *Guderian, der Panzergeneral*; Econ 1976.
- Plettenberg, Malte, *Guderian – Hintergründe des deutschen Schicksals 1918-1945*; abz-Verlag Düsseldorf 1950.
- Venner, Dominik, *Ein deutscher Heldenkampf*; Arndt 1989.

Дополнение

На примере следующих цитат видных лиц бывших враждебных государств здесь должно быть показано, что представляемое державами-победительницами мировой войны как верное и обязательное понимание истории требует дополнений или исправлений.

В своей статье «A biological view of our foreign policy» («Биологический взгляд на внешнюю политику») (*Saturday Review* от 1 февраля 1896) профессор П. Чалмерс Митчелл пишет:

«... если бы завтра был устранен каждый немец, не было бы ни одного английского бизнеса, ни одного английского предприятия, которое не выросло бы... готовьтесь к борьбе с Германией, так как Германия должна быть разрушена».

Тот же журнал от 11 сентября 1897: «...и мы могли бы сказать Франции и России: сами ищите для себя возмещение, возьмите в Германии то, чего хотите. Вы могли бы получить это».

Генри Уайт, американский посол в Лондоне, в 1910 году в беседе с руководителем Консервативной партии лордом Бальфуром:

Уайт: «...если вы хотите конкурировать с немецкой торговлей, то работайте жестче».

Бальфур: «Это значит, что нам пришлось бы снизить наш уровень жизни. Вероятно, война будет для нас проще».

(Allan Nevins, *Henry White – Thirty Years of American Diplomacy*, New York 1930, S. 257f.)

Франческо Нитти, итальянский премьер-министр, писал после Первой мировой войны:

«... когда мы говорили о немцах, что они якобы были воинственным народом Европы и война – это их единственная настоящая национальная индустрия, мы распространяли этим совершенную ложь, потому что не Германия, а Франция – воинственный народ Европы. Так как кто не знает, что никакой народ Земли не вел так много войн как французы..».

(Francesco Nitti, *Die Tragödie Europas – und Amerika*, Frankfurt 1924, S. 51, 54.)

6.8.1914 французский посол в Петербурге Морис Палеолог говорил итальянскому послу в России Карлотти:

«То, в чем я имею право заверить вас, особенно после моей вчерашней беседы с царем, это воля, который воодушевляет все три державы (Антанты), непримиримая воля разгромить Германию».

(Hölzle, *Die Selbstentmachtung Europas*, Göttingen 1975, S. 464.)

Американский президент Вудро Вилсон 5.9.1919 года: «Есть ли хоть один мужчина или хоть одна женщина – я мог бы даже сказать, есть ли хоть один ребенок – который не знает, что семя войны в современном мире – это промышленная и экономическая конкуренция между нациями?... это была война промышленности и торговли».

(Arthur Ponsonby, *Absichtliche Lügen in Kriegszeiten*, Seeheim 1967, S. 68.)

Издатель журнала *Nineteenth Century and After* («Девятнадцатый век и после него»), Ф. А. Войгт, в сентябре 1943 года так писал об английском понимании «баланса сил»:

«...политическая окраска тех, которые угрожают равновесию, не имеет абсолютно никакого значения. Даже если Германия была моделью демократии... деспотически управляемая Германия, которая не слишком сильна, лучше либеральной Германии, которая слишком сильна».

Американский сенатор Джеральд П. Най 27.4.1941 о политике Рузвельта:

«Нас одурачивают те же силы, которые дурачили нас во время (Первой) мировой войны..., если мы впутываемся в эту (Вторую мировую) войну, то будущие летописцы будут называть ее только одним именем, 'война президента', так как каждый из его шагов с момента его речи в Чикаго ведет к войне».

(Sven Hedin, *Amerika im Kampf der Kontinente*, Leipzig 1942, S. 100f.)

Рузвельт Черчиллю во время встречи в Атлантике в августе 1941 года:

«Я, вероятно, никогда не объявлю войну, но я буду вести ее».

(Freund, *Deutsche Geschichte*, München 1979, S. 1375.)

Гамильтон Фиш, американский политик, о Рузвельте:

«Рузвельт был решительным интернационалистом и любил вмешиваться повсюду... он прилагал все усилия, чтобы убедить Польшу не вести переговоры по вопросу возврата Германской империи Данцига – города, на 95% заселенного немцами – до тех пор, пока не было слишком поздно. Это была основная причина, которая привела к войне».

(Hamilton Fish, *FDR, The Other Side of the Coin*, New York, Vantage Press 1962 (немецкий перевод: *Der zerbrochene Mythos*, Tübingen 1982, S. 36).

А. Дж. П. Тэйлор, английский историк, в 1962 году о связи немецкого вооружения и ответственности за войну:

«Состояние немецкого вооружения в 1939 году дает решающее доказательство того, что Гитлер не думал об общей войне и, вероятно, вообще не хотел войны».

(A. J. P. Taylor, *Die Ursprünge des Zweiten Weltkrieges*, Gütersloh 1962, S. 280.)

Дафф Купер, английский министр информации, 25.4.1940 года заявил:

«Будущий мирный договор должен стать гораздо жестче и безжалостнее, чем Версаль. Мы не можем делать различий между Гитлером и немецким народом..».

(E. J. Reichenberger, *Wider Willkür und Machtrausch*, Göttingen 1955, S. 11.)

Лорд Ванситтарт, шеф британской спецслужбы Military Intelligence Service, говорил в 1941 году:

«Гитлер не является случайностью. Он – естественный продукт расы, которая с самых ранних дней истории была разбойничьей и воинственной... милостью Бога и ради спасения человечества мы освободим землю от Германии..».

(Robert Vansittart, *Black Record*, London 1941, S. 14f.)

Важным свидетелем о войне и мире в Европе является британский политик Уинстон Черчилль; ниже мы помещаем 14 его цитат:

«Уже 400 лет внешняя политика Великобритании состояла в том, чтобы противостать самой сильной, самой агрессивной, господствующей великой державе на континенте... Речь не о том, является ли это Испанией или французской монархией или французской империей или режимом Гитлера. Речь идет не о властителях или нациях, а лишь о том, кто самый большой или самый потенциально доминирующий тиран».

(В: *The Second World War*, том 1)

(К этому следующая статистика: в течение 300 лет с 1618 по 1918 годы Англия вела войны 237 лет, из них:

Против Франции:	10 войн, 73 года;
Против Испании:	8 войн, 48 лет;
Против Голландии:	7 войн, 36 лет;
Против Дании:	6 войн, 23 года;
Против России:	4 войны, 7 лет;
Против Германии:	4 войны, 17 лет;
Против Китая:	3 войны, 9 лет;
Против США:	2 войны, 13 лет;
Против Швеции:	2 войны, 6 лет;
Против Египта:	2 войны, 2 года;
Против Турции:	2 войны, 3 года;

с 1945, когда «злые немцы» были обезоружены, снова произошло свыше 200 конфликтов, только в 1992 году – 29, насчитывающих около 6 млн. погибших; источник: NID Nr. 12/93, S. 5).

«Война наступит очень скоро! Мы примем участие, и вы примете участие. Вы подмажете лавочку там [в США]...».

(В 1937 году крупному банкиру Бернарду Баруху по поводу его визита в Англию).

«В течение этих последних недель перед решением моей основной заботой было, чтобы британское правительство вопреки нашей гарантии не испугалось того, чтобы вести войну с Германией».

(В 1939 году перед Польской кампанией).

«Эта война – это война Англии. Целью ее является уничтожение Германии... Вперед, солдат Христа!»

(3 сентября 1939 года в выступлении по радио).

«Я веду войну не против Гитлера, но я веду войну против Германии».

(В 1940 году как новый премьер-министр).

«Военный кабинет не медлил ни мгновения».

(при приказе Черчилля напасть 3 июля 1940 года на флот побежденного французского союзника на рейде Орана и расстрелять его).

«Немецкий народ состоит из 60 миллионов преступников и бандитов».

(в телеграмме югославскому премьер-министру весной 1941 года и позже в дословном тексте включено в военные мемуары).

«Это цель, о которой я мечтал, которую я ожидал с нетерпением и которой я добился; теперь она стала реальностью!»

(при вступлении США в войну в декабре 1941 года).

«Блокада голодом стала недейственной, и я вижу только один выход подавить противника: это уничтожающая все и искореняющая все воздушную войну с очень тяжелыми бомбардировщиками из Англии...».

(Высказывание о его частной войне против немецкого гражданского населения по плану лорда Червелла, он же Линдемэн, который у Черчилля получил ту же роль как Моргентау у Рузвельта).

«Нет такого масштаба ужаса, которым мы не воспользуемся...».

(21 сентября 1943 года в Палате общин).

«Мы должны дать нашему другу Сталина маленькое подбадривание».

(к маршалу «бомберу»-Харрису, который указывал на военную бессмысленность разрушения Дрездена, что приказывал ему Черчилль).

«Территориальное расширение [Польши] имеет большое значение и находит поддержку Великобритании и России... я лично не сильно был бы шокирован [из-за] всего этого изгнания немцев... Если поляки принимают Восточную Пруссию и Силезию, это значит переселение 6 миллионов человек. Это практически можно осуществить. Мы убили 6 или 7 миллионов немцев, так что в Германии должно еще остаться свободное место».

(15 декабря 1944 года в Палате общин).

«Не переживайте из-за 5 или больше миллионов немцев... Сталин позаботиться об этом. Они перестанут существовать».

(Премьер-министру Польши в изгнании).

«Мы не ту свинью зарезали».

(В середине марта 1945 года, через месяц после конференции в Ялте, о «30-летней войне с 1914 года» против Германии, которую он в конце осознал как «ненужную»).

Сэр Джон Сили, классический историк английского империализма, в его книге *The Expansion of England*, London 1883, Лондон 1883:

«Присвоение территорий при старой колониальной системе было высшим делом нации... Стремление к богатству вело к спорам..., так что торговля вела к войне, и война содействовала торговле... Поистине, война для Англии это в полной мере индустрия, путь к богатству, самый процветающий бизнес, самое выгодное капиталовложение...».

Английская воскресная газета Sunday Correspondent пишет в сентябре 1989 года:

«Мы в 1939 пошли на войну не для того, чтобы спасти Германию от Гитлера или евреев от Освенцима или континент от фашизма. Как и в 1914 году мы пошли на войну по не менее благородной причине, потому что мы не могли принять немецкое доминирующее положение в Европе».

Следующая историческая статистика может дать разъяснение о готовности к войне европейских страны; следующие страны участвовали между 1480 и 1940 годами в общей сложности в 278 войнах:

Англия:	28%
Франция:	26%
Россия:	22%
Турция:	15%
Польша	11%
Германия (вкл. Пруссию):	8%

(Из: Prof. Quincy Wright, *A Study of War*, Том 1, стр. 221.)

Немецкий народ следовало бы назвать не самым агрессивным, а скорее самым мирным среди народов – если оставить его в покое. Но оборонительная война пользовалась у немцев высоким уважением и велась ими изо всех сил, с полной самоотдачей и с большой смелостью. Само собой разумеется, что к этой самообороне присоединялся каждый немец, не только элегантные лейтенанты Вермахта Гельмут Шмидт и Рихард фон Вайцзеккер, но перед ними и с ними пламенный патриот и гениальный полководец Гейнц Гудериан, деятельность которого описывается в данной брошюре.

Источник: <http://wintersonnenwende.com/scriptorium/deutsch/archiv/Guderian/gud00.html>

Русский Интеллектуально-Познавательный Ресурс
«ВЕЛЕСОВА СЛОБОДА»

Если вы хотите автоматически получать информацию о всех обновлениях на сайте, подпишитесь на рассылку --> [Новости сайта Велесова Слобода](#).